

— Не умирай, даже если однажды меня не станет, ты должен жить, — произнёс Чи Юэ, целуя его в губы, и нежно погладил округлившийся живот того, кто лежал под ним. — Хотя бы помоги мне вырастить Чи Шаняна...

— Ё моё! — Янь Були моментально взъярился. — Ты не мог бы выбрать другое имя?

— Жиянь, Шуйянь, Яянь, Цаоянь... выбирай.

— Чёрт возьми, Чи Лаомо, иди к чёрту! — Янь Були поднял руку, чтобы ударить, но вдруг воскликнул:

— Ой! Кажется, ребёнок пошевелился.

Чи Юэ испуганно убрал руку:

— Не навредил ли я плоду? Разве старик Лэ не говорил, что всё стабильно?

Янь Були покачал головой:

— Нет, боли нет, просто вдруг почувствовал движение.

— Хм, видимо, нашему сыну понравились эти имена.

— Пф, это был протест!

— Сын протестует против отца? Это бунт! — Чи Юэ снова приблизился, ловко снимая с него одежду. — Мне нужно как следует его проучить.

Янь Були чуть не заплакал. Блин, ты кого вообще собираешься учить?!

К счастью, «урок» оказался необычайно мягким. Чи Юэ выполнял каждое действие с особой осторожностью и вниманием, как будто ласкал самое хрупкое сокровище в мире. Даже поцелуи больше не были прежними — агрессивными и навязчивыми.

Внезапно уголки его губ почувствовали лёгкое щекотание — это был дрожащий от напряжения язычок, словно стеснительный котёнок, нежно облизывающий его щёку. Это был первый раз, когда Янь Були ответил ему после раскрытия своей тайны.

Чи Юэ с удивлением открыл глаза, глубоко глядя на слегка покрасневшее лицо под ним. Янь Були моментально смутился и, разозлившись, закричал:

— Что уставился? Чего ухмыляешься? Красавчика никогда не видел? Закрой глаза!

Повелитель секты послушно закрыл глаза, позволяя нежным рукам обвить его шею, а маленькому рту проникнуть за его зубы.

Янь Були не был плох в поцелуях, но целовать мужчину было для него не самым привычным делом. К тому же дразнить Чи Лаомо было равносильно игре с тигром, что вызывало у него нервное напряжение, и он не справлялся.

На третий раз, когда он случайно прикусил язык Чи Лаомо, он понял, что, возможно, ему больше подходит роль пассивного участника, который просто ложится, закрывает глаза и не напрягается...

А Чи Юэ уже был на грани. Его лоб покрылся потом, и он больше не мог терпеть. Его не только разжигала страсть от действий этого дурака, но, что хуже всего, в этот момент в его теле активировался Гусердечный червь!

Сдерживая мучительную боль в груди, он, тяжело дыша, отвернулся и оттолкнул его:

— Я... вдруг вспомнил, что у меня есть неотложные дела. Ты спи, я скоро вернусь.

Сказав это, он быстро оделся и вышел из комнаты.

Янь Були остался лежать на кровати, ошеломлённый.

Блин, это был его первый активный шаг, и он... испугал его? Испугал?!

Неужели он так плох в этом?!

Чи Юэ из последних сил добрался до Чертога Жёлтых Источников и, как обычно, начал бороться с червём с помощью алкоголя.

Но на этот раз, даже напившись до рассвета, он не смог успокоить червя. Он был почти в беспамятстве, но червь не унимался. В отчаянии он отправил Ху Чэданя за двумя бессовестными старыми врачами... Чёрт, неужели Плетение сердца в его животе — это какой-то извращённый вид?

Однако Хуан Баньшань и Лэ Цяньцю тоже оказались бессильны. После тщательного осмотра они не смогли найти никаких проблем, но оба заметили, что черви в теле Чи Юэ были необычайно активны, словно их всех подстегнули.

Не найдя объяснения в нормальных причинах, они начали копать в странных направлениях.

Хуан Баньшань пристально посмотрел на него:

— Что вы делали, когда червь активировался?

Чи Юэ не моргнув ответил:

— Спал.

Хуан Баньшань, глядя на следы на его губах, с презрением сказал:

— У вас в постели завелись крысы? Так активно вас грызут?

Повелитель секты прикрыл лицо рукой:

— Зачем такие подробности?

Лэ Цяньцю засмеялся с неприличной ухмылкой:

— Мы с Лао Хуанем подумали, и, кажется, есть только одно объяснение этой ситуации.

— Какое?

— Пришла весна, всё пробуждается, и черви в вашем теле... хе хе хе, тоже начали размножаться!

Чи Юэ:

— ...Прошу убрать это «тоже».

— Что? Ты хочешь сказать, что не размножаешься?

— Это не так, — спокойно ответил Чи Юэ. — Я размножаюсь круглый год, мне не нужно ждать весны.

Лэ Цяньцю: [...]

Хуан Баньшань серьёзно кашлянул и, сохраняя строгое выражение лица, сказал:

— Есть решение. Если хозяин сохраняет ясность ума и не поддаётся страстям, черви не будут так буйствовать.

— То есть мне нужно стать монахом?

Два старика переглянулись и ухмыльнулись:

— Цвет — это пустота, пустота — это цвет. Мастер Чи Юэ, ваше испытание началось!

В это время в Цзянлине царил праздник. Улицы были украшены тысячами фонарей, и в каждом доме царила радость. В салоне красоты господина Су тоже было шумно. За красными воротами слышались смех, плач, крики и ругань, и можно было подумать, что господин Су пригласил труппу для представления.

Среди шума на сцену вышла женщина в чёрном платье и с вуалью на лице.

Много лет назад Госпожа Цю столкнулась с Тан Яньлуном, когда преследовала Су Юйху. В той битве холодный третий сын Секты Тан не убил её, но покорила сердце демоницы.

Однако судьба переменчива, и люди меняются. После разрыва между супругами Тан Госпожа Цю ушла в одиночестве, пережив смерть одного за другим, но так и не захотела встретиться с ним снова. Прошло двадцать лет, и только получив письмо от Су Юйху, в котором упоминался её сын, она поспешила сюда.

Инь Мэйсюэ, увидев Госпожу Цю, отшатнулся на три шага и мгновенно спрятался за Линь Чжэнсюанем. А Линь Чжэнсюань в этот момент был занят тем, что его ругал Хуа Усинь, и мог только смотреть на Су Юйху с мольбой о помощи.

Су Юйху подтянул цепи на ком то и махнул рукой старому управляющему:

— Лао Лян, принеси ещё успокоительного. Да, того, что усыпляет на семь дней.

Управляющий Лян осторожно обошёл Хэ Буцзую и подошёл к Юэ Чжо.

Юэ Чжо быстро передала ему лекарство и помогла Тан Гули сесть. Тан Гули улыбнулся ей, а затем посмотрел на Хэ Буцзую. Его голова уже была зафиксирована, но из-за множества ран он не мог двигаться, и уже много дней не вставал с постели.

Внутренние раны Хэ Буцзую, нанесённые Чи Юэ, ещё не зажили, но убийцы всегда были выносливыми. Пока кости не сломаны, он мог встать и сражаться ещё триста раундов. Он сидел на стуле, молча полируя меч, и только почувствовав движение, поднял голову и посмотрел на чёрную фигуру у двери.

— Лянь Цзюэ? Ты правда Лянь Цзюэ?! — Госпожа Цю сняла вуаль, и её лицо, так похожее на Тан Яньлуна, стало ещё более отчётливым.

— Ты... моя мать? — Хэ Буцзуй не мог поверить. Его мать выглядела так молодо... Может, она сделала пластику у Су Юйху?

— Мой сын, столько лет прошло, и я наконец нашла тебя! — Госпожа Цю бросилась к нему,

обняла и заплакала.

Тело Хэ Буцзуя напряглось, но он не оттолкнул её. Подумав, он сказал:

— А отец...

— У тебя много отцов, о ком ты говоришь?

— ...Тан Яньлун.

— Не упоминай этого ублюдка! Я скорее умру, чем увижу его!

— Его уже нет.

[...]

— Я сам его убил.

[...]

— Господин Су, — Хэ Буцзуй поддержал Госпожу Цю и повернулся к Су Юйху, — моя мать потеряла сознание, посмотрите, пожалуйста.

— У тебя что, прямая кишка вместо языка? Не можешь говорить помягче? Тут все раненые, сумасшедшие, калеки и обмороки, ты хочешь меня загнать? — Су Юйху бросил цепи в руки Инь Мэйсюэ. — Присмотри за ними.

Инь Мэйсюэ с неохотой взял цепи и крепко приковал Хуа Усиня к креслу, хотя больше хотел заткнуть ему рот тряпкой.

— Линь Цзыюй — твой двоюродный брат, а Чи Юэ сегодня собирается его убить, ты чего меня всё время тормозишь?! — Хуа Усинь, совершенно не обращая внимания на сцену воссоединения матери и сына, продолжал яростно кричать на Линь Чжэнсюаня.

— Лао Хуа, ты что, тоже тупеешь от общения с Лао Янем? Это же очевидная ловушка! — Линь Чжэнсюань с презрением посмотрел на него. — К тому же, это мой брат, чего ты так волнуешься?

— Чёрт возьми! Он ради меня поссорился с Чи Юэ, если с ним что-то случится, как я буду отдавать этот долг?

— Отдашь долг телом... Стань моей невесткой, это тоже неплохо, — Линь Чжэнсюань ухмыльнулся.

<http://bllate.org/book/15303/1352415>